

ЛОРА КЕЙЛИ

**КТО
Я?**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!
МЫ В СОЦСЕТЯХ:
www.eksmo.ru
 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *А. Дурасова*

Кейли, Лора.

К33 Кто я? / Лора Кейли. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-166835-8

Если вы еще не получили сценарий жизни, Министерство вызовет вас.

Адам Грин — обычный парень, в день совершеннолетия он получает сценарий своего будущего. Он надеется на интересную работу, но ему выпадает роль осведомителя, и его обязанность ныне — докладывать Министерству о секретах людей. Адам решается помочь несчастным, попавшим под его наблюдение, не зная, чем это может обернуться.

В то же время в мире, где нет преступности, где судьба каждого прописана законом, а все сценарии идеальны, внезапно начинают пропадать люди...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166835-8

© Кейли Л., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

ГЛАВА

Сегодня мне двадцать один. Как я еще дожил до этого дня, не получив белый конверт? Всем приходит конверт со сложенным вдвое письмом, где крупными черными буквами — «Министерство приглашает вас...».

Тебя пригласят, обязательно пригласят. Два года назад пригласили Матео, моего друга, и он пошел. А как не пойти? Таков закон. Письма можно ждать до совершеннолетия. Потом уже поздно — штраф или... Вот только я не знал, что «или», никто точно не знал, только догадывались. Приди сам и заberi, не пришел — уклонился. Говорили, что посадить даже могут. Вообще, они многое могут, в том-то и страх. Такие вот правила. Иногда письма не приходят по их вине, у них система глючит, а ты отвечай, сам отвечай. Мне оно так и не пришло. Поэтому я иду сам.

— Давно бы уже сходил! — кричала мать в телефон, поздравляя меня с днем рождения. — Все сами идут, а ты чего ждешь? — сказала она и повесила трубку.

Я надеваю штаны.

Пока не пришло письмо, ты на полном обеспечении у государства. Но как придет или как ты за ним пойдешь... В общем, Матео уехал из го-

рода, больше мы с ним не встречались. Пару раз только звонил, обозвал сопляком. У него, мол, жена уже беременная и работа кипит, а я все на пособии сижу. Ну сижу и сижу, какое ему дело.

Я надеваю рубашку.

Дурацкое чувство неопределенности — не знать, кто ты есть. Мама говорила, что раньше люди и не знали, и это было нормой, и каждый мог быть кем хотел: врачом, ученым или наркоторговцем. Сейчас тоже есть и врачи, и ученые, а вот наркоторговцев нет. Конечно, ученым мне не стать, в министерстве следят за всеми еще с пеленок, и все тесты, которые ты пишешь в школе, отправляются к ним. Врачом мне тоже, наверное, не быть, тех, кто им станет, вызывают раньше, лет в восемнадцать, а мы, про кого забыли или не вспомнили, мы можем стать менеджерами, или риелторами, или торговцами какими-нибудь. Да много «каких-нибудь» профессий, где специалистом становишься после первого дня, а не через пять лет учебы.

Я не хотел получать письмо. Совсем не хотел. Мне нравилось все как есть. Мне нравилась эта квартирка на втором этаже муниципального дома, большинство домов были муниципальными, в них жили те, кто еще не получил письма. После школы я сразу съехал от матери и поселился здесь. К сожалению, «неопределившимся» нельзя было устроиться и официантом или хотя бы доставщиком еды, можно было только жить на пособия, но меня и это устраивало.

Мать говорила, я не могу знать, кто я, пока не получу письма. Дети ее подруг давно уже все

получили и пошли учиться по специальности. А я боялся этого. Матео сказал, что я боюсь ответственности, что такой, мол, я получился трусливый, но это не так. Может, я и не смельчак какой, но и не ссыкун уж точно.

Мысль о том, что я не буду иметь никакого выбора, не давала мне покоя. С другой стороны, кто его имеет? Мать рассказывала, что, когда люди имели право выбора, они всегда сожалели о нем: не о праве — о выборе. Люди, мол, слишком глупы, чтобы что-то выбирать в юном возрасте.

К тому же совершенно выбора меня не лишают, я могу выбрать мебель в квартиру, а вот квартиру выбрать не могу, как, собственно, и жену. У них там какой-то отбор по генотипу. Множество детей рождались с патологиями, теперь почти все здоровы, есть небольшая погрешность, но где ее нет?

«Институт брака — главный из институтов», — гласил один из лозунгов министерства. Подобная реклама часто крутилась по телевизору. Раньше люди сами выбирали себе жен, и не один раз, это разрушало семьи, вырастали морально неустойчивые дети, создавая свои неустойчивые семьи. Все вело к краху.

За стеной опять играл Макс, он жил по соседству и брэнчал на своей гитаре каждый божий день. Стены были тонкие, песни одни и те же, я все выучил наизусть. Макс также особо ничем не занимался. Какое-то время он ждал письма, но конверт так и не пришел, и он перестал его ждать. Это он так сказал. Он говорил, что даже ходил в министерство и пытался скандалить, но ему

ответили, что все под контролем, что министерство всех помнит и чтобы он ждал своей очереди. Что-то в этой истории было не так, я нутром это чуял. Вообще, я с ним мало общался, странный он был тип, пропадал где-то ночью, возвращался под утро и начинал брэнчать. Как говорит моя мать, человек должен быть чем-нибудь занят. Макс хотел устроиться официантом или хотя бы посудомойщиком, но его никто не брал, без распоряжения министерства никуда не берут.

Я вышел на улицу. Министерство работало с девяти.

Наверное, надо было записаться на прием, но я пошел так. Была надежда, что меня не примут. Не могут же они принять всех. Если не будет талонов, приду завтра. Мать бы сказала, что я все делаю не так, отец бы сказал, что надо быть более собранным. Я говорю себе, что у меня есть еще день. Если кончатся все талоны, если будет очередь, если они по каким-то причинам закрыты, никогда не было таких причин, но все же, если будет хоть какое-то «если», у меня останется еще один день. И что я буду делать в этот день? Я думал об этом, когда стоял на светофоре, когда перескакивал с желтой на белую полосу, когда перешел дорогу, столкнулся с прохожим и завернул на следующий перекресток. Я понял, что ничего не мог придумать. Да, я очень скучный человек.

Я огляделся по сторонам. На каждом здании висели рекламные экраны, и в каждом из рекламных блоков была реклама министерства. Семьям из двух и более детей выделяются еже-

годные путевки на лучший курорт «Голубая лагуна». Волны с экранов шумели так естественно, что казалось, ты уже находился там, в эти волны прыгали дети, за детьми, держась за руки, шли родители. Пара оборачивалась, смотря на нас, и мы понимали, что они ждут еще одного ребенка. Все были счастливы, как того и хотело министерство. *Курорт «Голубая лагуна» – лучшее место для пар с детьми.*

Я нащупал в кармане биометрическую карту и пошел в сторону центральной площади. Чем ближе к центру, тем больше экранов. На каждом светофоре по одному. *Министерство заботится о вас. Следуй сценарию – будь в безопасности. Твое счастье – наша забота.*

Вдруг реклама на экранах погасла, показав лишь черное полотно, по центру которого шла бегучка: *экстренный выпуск новостей через пять минут.*

Меня пробрало холодной дрожью. Редко когда выпуск новостей был экстренным. В государстве, где все распланировано на полвека вперед, экстренным может быть только страшное. Я смотрел на черный экран, смотрел на бегучку и выжидал. Резкий звук автомобильного гудка спугнул меня с проезжей части.

— Смотри, куда идешь!

Я вспомнил, куда шел. Черные экраны не давали думать ни о чем другом.

Министерство находилось в самом центре площади. Полукруглое здание с высокими колоннами, декоративными балконами и вздыбленными лошадьми. На вершине, по центру, —

купол, вокруг него то ли гарпии, то ли волки с крыльями, так не разглядишь. По периметру газон с елями и лестница широкая, белая. Я взбежал наверх в надежде, что уткнусь в огромную очередь. Никого, кроме охранников и пары сотрудников. Они бегали с документами, хлопая дверьми, скрываясь в кабинетах.

— Вам куда? — спросил охранник.

— Я бы хотел получить свой сценарий, — вообще-то, я соврал: ничего я не хотел, — но, если все заняты, — я посмотрел на выход, — могу и завтра прийти.

— Вам в пятый кабинет, — сказал охранник и выдал мне жетон, — вон туда, — указал он на дверь с цифрой «пять».

Я смотрел на жетон, потом на дверь, потом снова на жетон — и не мог сдвинуться с места.

— Что-то не так? — насторожился он.

— Все так, — ответил я.

— В другие дни здесь яблоку негде упасть, вам, можно сказать, повезло, молодой человек.

— Повезло, — согласился я и пошел.

В кабинете номер пять у меня спросили, по какому я поводу, и, удостоверившись, что по нужному, попросили присесть.

— Мне уже двадцать один, а я еще не получил конверт.

— Угу, — кивнула немолодая женщина, открыла сейф и ушла в него с головой.

— Если на меня ничего нет, я могу и в другой раз прийти.

— Угу, — кивнула она еще раз и продолжала искать.

— Вообще, мне не срочно.

Она взяла мою биометрическую карту, провела ею по клавиатуре и начала вбивать что-то короткими острыми пальцами.

— Угу, все верно.

Принтер зашипел, заглотил один лист из кппы, потом второй, третий... — и постепенно начал выплевывать распечатанный текст.

— Вы вовремя, молодой человек, — сказала женщина.

— Мне не пришел конверт, — опять начал я.

Она собрала все листы, скрепила их степлером, поставила печать и отдала мне.

— Ваш сценарий, — сказала она, — хотите открыть?

— Здесь? Я не знаю...

— Обычно к нам возвращаются с вопросами, но если вы и так здесь...

Она была права, нет смысла ждать.

Я посмотрел на листы.

В графе «профессия» значилось одно слово — «ОСВЕДОМИТЕЛЬ».

Что было дальше, я не читал.

— Что-то не так? — спросила она, поведя изпод очков удивленной тонкой бровью.

— Осведомитель? — уточнил я.

— Вам очень повезло, это отличная профессия. Более подробно вы можете ознакомиться со сценарием дома. Ваш новый адрес там же, в документах.

Все это она говорила, не отрываясь от монитора компьютера, ее пальцы так быстро бегали по клавиатуре, а слова так заученно вылетали

ЛОРА КЕЙЛИ

изо рта, что я понял — до меня ей нет никакого дела. Задав еще пару вопросов и получив такие же отработанные ответы, я вышел.

«Вам очень повезло...» — наверное, это избитая фраза. Здесь раздают сценарии, а равнодушные такое, будто я за билетом в кино пришел.

— Получили? — спросил охранник, расплываясь в искусственной улыбке.

— Получил.

— Министерство заботится о вас.

— Угу, — кивнул я и ушел.

2

ГЛАВА

На улице стало темно и пасмурно. Нечто серое и тягучее заслонило свет. Люди замедлили шаг, кто-то никуда не спешил, так и стоял посреди перекрестка, ожидая новостей. Черные экраны все еще пускали бегучку. Какая-то нервная неопределенность повисла в воздухе. У нас редко что-то случалось. У нас даже тюрем как таковых нет. Каждый получал свой сценарий, и по каждому сценарию ты мог быть только законопослушным гражданином. Никто не назначит тебя вором или насильником. А любое отклонение от написанного, даже малейшее, даже на начальных этапах сразу пресекается законом. Мы чувствовали себя в безопасности. Не было ни преступных кварталов, ни маргинальных районов, у каждого своя работа и семья, никто не выживал в одиночку, все были полноправными гражданами. Что могло пойти не так?

Я пытался не смотреть на экраны, вцепившись в сценарий, я надеялся дойти до дома и спокойно прочитать его там. Меня не должны волновать какие-то новости, я вообще новости не смотрю, пусть волнуются те, другие. Я тут не для этого. Сейчас приду домой, засыплю зерна в

кофемашину, зайдет Макс и спросит, что гудит, а потом усядется на кухне, выжидая свою чашку кофе, я налью, лишь бы он не ворчал. Он перестанет и начнет смаковать, спросит, что это у меня в руках, я скажу, что сценарий, что сегодня я был в министерстве и получил его. Макс ухмыльнется, скажет, что кофе дерьмовый, я скажу ему купить уже свой, он заржет и выйдет за дверь. Хорошо, что мой сосед Макс, по нему невозможно скучать.

Надо было раньше забрать сценарий, раньше узнать, как жить. Мать была права, я не верю, что это сказал, но она чертовски права, и это ужасно бесило. Теперь я чувствовал хоть что-то под ногами. Да, это была земля, я уже твердо стоял на ней, я твердо шел по ней, по этому асфальту, по переулку, видел эти дома, себя среди них. Я опять увидел экраны, они уже не были черными...

Лицо молодой девушки смотрело со всех табло.

— Энджела Вуд пропала три дня назад, — говорил голос да кадром. — На данный момент о местонахождении девушки ничего не известно. Особые приметы: рост 170, среднего телосложения, длинные светлые волосы. Была одета в серые джинсы и блузку с цветочным принтом. Если вы располагаете какой-либо информацией о данном человеке, просьба позвонить по указанному номеру или прийти в ближайшее отделение полиции. У следователей есть все основания полагать, что причиной исчезновения Энджелы Вуд могло стать похищение. Просим жителей города, в особенности женщин, воз-

вращаться домой до десяти вечера, в противном случае на вас будет наложен административный штраф. С завтрашнего дня министерство объявляет комендантский час. С вами был экстренный выпуск новостей. Мы будем держать вас в курсе событий.

Новостная трансляция сменилась стоп-кадром лица пропавшей.

Очень страшно. Я никогда не испытывал страх. Нет, я не боялся опасности, я боялся потери контроля. Власть потеряла его. Полиция просит помощи, и у кого? У нас, простых граждан? Где мы должны увидеть эту девушку? Не думаю, что она прогуливается по улице или сидит в кафе. Интересно, все ли прочесали полицейские? Все мусорные баки, канализационные стоки, подвалы нежилых домов, заброшенные склады, шахты лифтов... Я был уверен, что она мертва. Если тебя нет трое суток, если ты не пришла на работу, тебя увольняют. Никто не будет так рисковать. Тебе не дадут второго шанса и не возьмут на другую должность, тебя вообще никуда не возьмут. Она не просто так пропала. Ее похитили. Я не хотел смотреть на эти экраны, я не хотел видеть ее глаза. Я не хотел представлять, что с ней делают сейчас или день назад. Когда не видишь лица, и представлять некого. Я сжал сценарий и встал у остановки. Огляделся по сторонам — никого. Открыл. Начал читать. Не мог понять ничего. Буквы то съеживались, то отпрыгивали друг от друга, то собирались в лицо этой девушки... И зачем я на нее смотрел?